

Сегодня — День памяти жертв политических репрессий

НЕДАВНО слышала по радио необычную передачу. Речь шла о том, как вести себя при пожаре. Что считать самым ценным, что спасти в первую очередь, если загорелся дом! Документы? Деньги? Нет, — говорил ведущий. Прежде всего надо спасти... фотографию бабушки, семейный архив. Документы можно восстановить, денег нажить, а фотография уходит безвозвратно. И тогда оборвется какая-то важная нить. Иногда человеку будет казаться, что у него нет прошлого...

Через 58 лет после начала «большого террора», в июле нынешнего года, вышел первый том «Ленинградского мартиролага» 1937—1938 годы — многотомной Книги памяти жертв политических репрессий. Первые 4 тысячи имен из 40 тысяч расстрелянных в то время в нашем городе. Каждый помянут несколькими строчками — сухими анкетными данными, чуть расширенными по сравнению с вечеркинским «Мартирологом». Но — помянут. Названо его имя, и те, кто живет сейчас, могут его прочесть.

Мы уже много раз писали о том, как двигалась работа над Книгой памяти. Но вот том вышел. Сегодня я просто листаю его страницы...

Почти весь объем книги (а он солидный — более 800 страниц) занимают списки погибших. Фамилии расположены по алфавиту, от «А» до «Я». Первый в списке Александр Дмитриевич Абанин, «беспартийный, русский, кузнец 4-го горного участка рудника им. Кирова», 59 лет от роду. Последний — его ровесник Петр Ильич Яшуков, лесник из-под Череповца. В конце тома дан подробнейший географический указатель. Там названы места, откуда родом или где жили жертвы репрессий. Встречаются Владивосток и Варшава, Люблин и Бухара...

В этих списках почти каждый может найти однофамильцев и соседей. Одни Ивановы Ивановичи Ивановы занимают целую страницу. В географическом указателе представлены чуть ли не все питерские улицы. Можно найти номера домов и кварталы, в которые стучалась беда.

Вот Советские улицы. Я живу на 7-й. А в списках есть все — от 1-й до 10-й. Что же случилось с моими соседями 58 лет назад? Например, с Семеном Павловичем Веселагиным с 4-й Советской, рабочим картонажной артели «Инвалид». Его арестовали 7 августа 1937 года, а 22-го уже расстреляли. За что? Кому он «вредил» в своей инвалидной артели? Или Владимир Иванович Петров, водопроводчик ЖАКТа № 23. Он жил рядом с нашей школой. Может быть, ходил туда краны чинить. Был расстрелян в день вынесения приговора, 8 сентября 1937 го-

да. «План» по расстрелянным горел?

В самом конце книги — воспоминания родных и знакомых погибших. Их немного — всего несколько страничек. Но соединение сухих анкетных данных из архивов КГБ с воспоминаниями и фотографиями из семейных архивов впечатляет, быть может, больше всего...

«Мы жили на Большой Пушкинской в большой коммунальной квартире... — пишет В. П. Бельский из Москвы. — Это было пасмурным ранним утром. Мама разбудила меня и сказала, что надо идти к моему дяде. Он жил на улице Ленина. В комнате сидела молодая женщина в кожаной куртке и рассматривала наши фотографии. Мне не хотелось одеваться так рано и куда-то идти, но я шел по улице за руку с матерью, и нас сопровождал военный, и в коридорах нашей квартиры тоже был военный... Отец был, как мне кажется, очень похож на Ботвинника. Правда, те, кто уничтожил его, в качестве внешнего примет отметили только шрам на левой руке... Много детских слез и снов связано у меня с памятью о родителях, особенно об отце. Это были люди с искверканной судьбой, но верящие в нормальную жизнь, любившие меня и жизнь, которую у них отняли «для счета». В справке написано, что Павел Давыдович Бельский, 1906 года рождения, был арестован 2 июня и расстрелян 5 сентября 1937 года.

«В списке жертв сталинского террора оказались мои земляки, расстрелянные в 1937 году, — вспоминает В. П. Михайлов из деревни Галибино Тверской области. — Мне в ту пору было 11 лет, но я их хорошо помню. Георгий Николаевич Воронин — выходец из бедной крестьянской

семьи. Коллективизация 1931 года застала его в деревне. Имели дом, трудились на общих работах, в начальство не лезли. К кулакам не принадлежали, жили бедно, позже уехали в Петроград. Врагом народа Г. Н. быть не мог».

«Кто бы мог подумать, что будут поднимать этот вопрос, — пишет В. И. Примак из Риги. — Я много лет колебалась, узнавать ли о своем брате родном, Игнатии Игнатьевиче Кучинском, окончившем ЛИФЛИ в 1937 году. Это была гордость нашей семьи... Вы посмотрите на фото брата моего. На каких молодых, талантливых людей могла подняться рука...» Эта фотогра-

фа, где установлен недавно памятник ее мужу, Матвею Петровичу Бронштейну, известному физику, расстрелянному в феврале 1938 года. Писательница прислала для «Мартиролага» воспоминания о нем. «Мартиролог» мне по-прежнему читает моя помощница, — написала Лидия Корнеевна редактору Книги памяти А. Я. Разумову. — Очень замечательны воспоминания родных и сами списки погибших. Огромная работа проделана составителями...

Но... Есть и другое мнение относительно «Ленинградского мартиролага». Его высказал на страничке выходящей в Париже газеты «Русская мысль» сопредседатель петербургского «Мемориала» В. В. Иофе. Вот что он пишет: «Общество «Мемориал» ничего общего с книгой «Ленинградский мартиролог» не имеет. Несмотря на всю ценность «Мартиролага» как справочного издания, мы, члены «Мемориала», полагаем, что его выпуск не повышает, а понижает уровень общественной нравственности... Нам жаль, что некоторые весьма уважаемые люди дали возможность ассоциировать себя с этой разработкой КГБ»...

Итак, Книга памяти — «разработка КГБ», которая «понижает общественную нравственность». Почему же? По мнению В. Иофе, «в Петербурге издание книг памяти взяло в свои руки и под свой контроль местное управление КГБ», которому нужно было «гражданское прикрытие» для «достоверной имитации общественного предприятия». В результате «составление списков репрессированных из акта общественного самосознания превратилось в отчет «органов» о проделанной когда-то работе, а привлеченные к сотрудничеству (в виде «общественного совета») гражданские лица тем самым объективно оказывались «общественными помощниками КГБ».

Что на это скажешь? Уж читатели «Вечерки» — те, кто интересуется этой темой, — знают, как шла работа над книгой. Мы писали, что сотрудник Публики А. Я. Разумов открыто обратился к руководству ленинградского УКГБ с предложением издать книгу, а в мае 1991 года была создана инициативная группа. В нее кроме А. Я. Разумова и архивистов госбезопасности вошли еще несколько человек — родные погибших, в основном члены ассоциации жертв политических репрессий, Анатолий Яковлевич стал редактором издания. В октябре 1993 года в Публике состоялось «круглый стол» и была создана общественная редколлегия. Ее членами стали представители всех организаций репрессированных. Даже В. В. Иофе поначалу вошел в нее, а лишь через несколько месяцев заявил о неучастии «Мемориала». В работу над «Мартирологом» было вовлечено множество людей. Российская национальная библиотека стала издателем книги, работники госбезопасности готовили архивы, мэрия дала основные средства на издание, в числе жертвователей были все организации репрессированных, за исключением «Мемориала», хотя «мемориальцы» тоже принесли деньги... В редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» был подготовлен оригинал-макет книги, «Вечерка» регуляр-

но публикует ее расчетный счет и списки жертвователей. Люди приносят А. Я. Разумову свои воспоминания... Выходит, все причастные к выходу книги — «гражданское прикрытие», агенты КГБ?

Право, не стоило бы и писать об этом, если бы речь шла о мнении частного лица. Как говорится, Бог ему судья. Но В. Иофе пишет — «мы, члены «Мемориала». А «Мемориал» — организация уважаемая. Это слово ассоциируется с концом восьмидесятых, с моментом потрясения и осознания, когда движение это само собой «спрососло» по всей стране. И с тех пор, произнося «Мемориал», многие имеют в виду все движение по увековечению памяти жертв репрессий. Хотя это давно уже не так...

Итак, «мы, члены Мемориала»... Член «Мемориала» лужский краевед В. А. Елисеев, узнав о готовящемся издании, первым внес значительную по тем временам сумму на его расчетный счет. Член правления «Мемориала» художник Дмитрий Иванович Богомолов, автор скульптурной композиции в Левашове, — за несколько дней до смерти (а умер он в августе прошлого года) ретушировал фотографии для «Ленинградского мартиролага». Член «Мемориала» Александр Николаевич Олейников, сын расстрелянного в ноябре 1937 года поэта Николая Олейникова, с 1991 года входил в общественный совет «Мартиролага», и сейчас он готовит воспоминания для второго тома. Вряд ли они стали бы делать это, если бы не считали, что Книга памяти «понижает уровень общественной нравственности»...

Я позвонила академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, зная, что он тоже входит в общество «Мемориал».

«Очень важно издать «Мартиролог», — сказал он. — Назвать не голые цифры, которые пытаются исказить, а конкретные фамилии, имена, отчества... Я видел книгу, искал своих знакомых. Пока не нашел. Может быть, в следующих томах... Это очень большая работа, я желаю ей успеха. Участие КГБ? Нет, не смущает. Без него не обойтись, у них же архивы. «Мемориал»? Я отошел от него. Мне не все там нравится...

В Публичную библиотеку, к Анатолию Яковлевичу Разумову люди несут воспоминания, фотографии. Постепенно создается уникальный архив. Материализованная память о временах, когда сведения о близких из семейных архивов попадали в архивы НКВД. И нам сейчас остается лишь связывать нити... Искать фотографии бабушек и дедушек, сгоревших в том давнем «пожаре»...

Наталья ОДИНЦОВА

Кому вредил инвалид Веселагин?

«Мы жили на Большой Пушкинской в большой коммунальной квартире... — пишет В. П. Бельский из Москвы. — Это было пасмурным ранним утром. Мама разбудила меня и сказала, что надо идти к моему дяде. Он жил на улице Ленина. В комнате сидела молодая женщина в кожаной куртке и рассматривала наши фотографии. Мне не хотелось одеваться так рано и куда-то идти, но я шел по улице за руку с матерью, и нас сопровождал военный, и в коридорах нашей квартиры тоже был военный... Отец был, как мне кажется, очень похож на Ботвинника. Правда, те, кто уничтожил его, в качестве внешнего примет отметили только шрам на левой руке... Много детских слез и снов связано у меня с памятью о родителях, особенно об отце. Это были люди с искверканной судьбой, но верящие в нормальную жизнь, любившие меня и жизнь, которую у них отняли «для счета». В справке написано, что Павел Давыдович Бельский, 1906 года рождения, был арестован 2 июня и расстрелян 5 сентября 1937 года.

«В списке жертв сталинского террора оказались мои земляки, расстрелянные в 1937 году, — вспоминает В. П. Михайлов из деревни Галибино Тверской области. — Мне в ту пору было 11 лет, но я их хорошо помню. Георгий Николаевич Воронин — выходец из бедной крестьянской

семьи. Коллективизация 1931 года застала его в деревне. Имели дом, трудились на общих работах, в начальство не лезли. К кулакам не принадлежали, жили бедно, позже уехали в Петроград. Врагом народа Г. Н. быть не мог».

«Кто бы мог подумать, что будут поднимать этот вопрос, — пишет В. И. Примак из Риги. — Я много лет колебалась, узнавать ли о своем брате родном, Игнатии Игнатьевиче Кучинском, окончившем ЛИФЛИ в 1937 году. Это была гордость нашей семьи... Вы посмотрите на фото брата моего. На каких молодых, талантливых людей могла подняться рука...» Эта фотогра-

фа, где установлен недавно памятник ее мужу, Матвею Петровичу Бронштейну, известному физику, расстрелянному в феврале 1938 года. Писательница прислала для «Мартиролага» воспоминания о нем. «Мартиролог» мне по-прежнему читает моя помощница, — написала Лидия Корнеевна редактору Книги памяти А. Я. Разумову. — Очень замечательны воспоминания родных и сами списки погибших. Огромная работа проделана составителями...

Но... Есть и другое мнение относительно «Ленинградского мартиролага». Его высказал на страничке выходящей в Париже газеты «Русская мысль» сопредседатель петербургского «Мемориала» В. В. Иофе. Вот что он пишет: «Общество «Мемориал» ничего общего с книгой «Ленинградский мартиролог» не имеет. Несмотря на всю ценность «Мартиролага» как справочного издания, мы, члены «Мемориала», полагаем, что его выпуск не повышает, а понижает уровень общественной нравственности... Нам жаль, что некоторые весьма уважаемые люди дали возможность ассоциировать себя с этой разработкой КГБ»...

Итак, Книга памяти — «разработка КГБ», которая «понижает общественную нравственность». Почему же? По мнению В. Иофе, «в Петербурге издание книг памяти взяло в свои руки и под свой контроль местное управление КГБ», которому нужно было «гражданское прикрытие» для «достоверной имитации общественного предприятия». В результате «составление списков репрессированных из акта общественного самосознания превратилось в отчет «органов» о проделанной когда-то работе, а привлеченные к сотрудничеству (в виде «общественного совета») гражданские лица тем самым объективно оказывались «общественными помощниками КГБ».

Что на это скажешь? Уж читатели «Вечерки» — те, кто интересуется этой темой, — знают, как шла работа над книгой. Мы писали, что сотрудник Публики А. Я. Разумов открыто обратился к руководству ленинградского УКГБ с предложением издать книгу, а в мае 1991 года была создана инициативная группа. В нее кроме А. Я. Разумова и архивистов госбезопасности вошли еще несколько человек — родные погибших, в основном члены ассоциации жертв политических репрессий, Анатолий Яковлевич стал редактором издания. В октябре 1993 года в Публике состоялось «круглый стол» и была создана общественная редколлегия. Ее членами стали представители всех организаций репрессированных. Даже В. В. Иофе поначалу вошел в нее, а лишь через несколько месяцев заявил о неучастии «Мемориала». В работу над «Мартирологом» было вовлечено множество людей. Российская национальная библиотека стала издателем книги, работники госбезопасности готовили архивы, мэрия дала основные средства на издание, в числе жертвователей были все организации репрессированных, за исключением «Мемориала», хотя «мемориальцы» тоже принесли деньги... В редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» был подготовлен оригинал-макет книги, «Вечерка» регуляр-

но публикует ее расчетный счет и списки жертвователей. Люди приносят А. Я. Разумову свои воспоминания... Выходит, все причастные к выходу книги — «гражданское прикрытие», агенты КГБ?

Право, не стоило бы и писать об этом, если бы речь шла о мнении частного лица. Как говорится, Бог ему судья. Но В. Иофе пишет — «мы, члены «Мемориала». А «Мемориал» — организация уважаемая. Это слово ассоциируется с концом восьмидесятых, с моментом потрясения и осознания, когда движение это само собой «спрососло» по всей стране. И с тех пор, произнося «Мемориал», многие имеют в виду все движение по увековечению памяти жертв репрессий. Хотя это давно уже не так...

Итак, «мы, члены Мемориала»... Член «Мемориала» лужский краевед В. А. Елисеев, узнав о готовящемся издании, первым внес значительную по тем временам сумму на его расчетный счет. Член правления «Мемориала» художник Дмитрий Иванович Богомолов, автор скульптурной композиции в Левашове, — за несколько дней до смерти (а умер он в августе прошлого года) ретушировал фотографии для «Ленинградского мартиролага». Член «Мемориала» Александр Николаевич Олейников, сын расстрелянного в ноябре 1937 года поэта Николая Олейникова, с 1991 года входил в общественный совет «Мартиролага», и сейчас он готовит воспоминания для второго тома. Вряд ли они стали бы делать это, если бы не считали, что Книга памяти «понижает уровень общественной нравственности»...

Я позвонила академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, зная, что он тоже входит в общество «Мемориал».

«Очень важно издать «Мартиролог», — сказал он. — Назвать не голые цифры, которые пытаются исказить, а конкретные фамилии, имена, отчества... Я видел книгу, искал своих знакомых. Пока не нашел. Может быть, в следующих томах... Это очень большая работа, я желаю ей успеха. Участие КГБ? Нет, не смущает. Без него не обойтись, у них же архивы. «Мемориал»? Я отошел от него. Мне не все там нравится...